

Литературные известия

№ 1 (187)

Январь 2021

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

ЗЕМЛЯ И НЕБО АЛЕКСАНДРА КАЗИНЦЕВА

Александр Казинцев (1953–2020) — уникальное явление отечественной литературы. Острый публицист, глубокий литературовед, замечательный поэт, один из основателей литературной группы «Московское время», редактор, который 40 (!) лет работал в журнале «Наш современник».

Для меня Казинцев — прежде всего, поэт. Я впервые прочитал его стихи много лет назад в альманахе «Поэзия». И сразу обратил на них внимание. Даже удивился: такой известный публицист пишет хорошие стихи. Это огромная редкость. Потом я печатал стихи А. Казинцева в альманахе «День поэзии», который выпускал как издатель в 2017 году, в еженедельнике «Поэтоград» — в рубрике «Выдающийся поэт России», в журнале «Дети Ра» (№ 1–2, 2019). Пять лет назад в журнале «Юность» (№ 1, 2015) вышла подборка ранних стихотворений Казинцева (они размещены, в частности, на портале «Читальный зал»). Очень высокий уровень!

Вот это стихотворение, «Удивительно пахнет дождем...», на мой взгляд, шедевр. Казинцев развивал традиции Тютчева и Фета, Случевского и Полонского. Это философская лирика, которая глубоко символична и метафорична. За каждой строкой — целые пласты ассоциаций и смыслов.

* * *

Удивительно пахнет дождем —
воздух соткан из влаги и воли,
жадно дышишь и веришь с трудом,
что сугробы мы перебороли.
А зима бесконечной была,
опостылено это убранство —
как посмертная маска бела
затвердевшая корка пространства.
Девять месяцев — гипсовый гнет,
воздух в струнку, деревья ни шагу,
и казалось, что кончится год
и земля под снегами умрет,
не всосав животворную влагу.
А теперь — до роста, до комка
глинозема — все дышит весною,
и течет как ночная река
в отраженьях асфальт подо мною.
И безумный, казенный, любимый
город, вырванный из-подо льда,
и машины, летящие мимо,
одуревши, не зная куда,
в гром, в жару, где сирени в пыли, —
все омыто прозрачной водою,
все омыто водой молодою,
властным запахом мокрой земли.

1976

Нежное, мудрое, чистое стихотворение. И, что очень важно, профессионально сделанное, опрятное. Нет здесь неточных, неряшливых рифм, нет нашествия офисной и обшечной лексики. Но есть душа и свой голос, и приятие мира, и взгляд, устремленный в будущее. Подобных стихотворений в книге «Сила земли», которая вышла в нашем издательстве в популярной серии «Авангарды», немало. Александр Казинцев состоялся не только как большой публицист, но и большой художник, истинный поэт. Это для меня несомненно.

Я начал уговаривать Александра Ивановича издать книгу стихов несколько лет назад. Он долго собирался и спустя три года прислал мне рукопись, мы ее быстро сверстали. Я был ее редактором, каждое слово, каждую запятую Казинцев выверял как опытейший автор и редактор. И согласился только с моими техническими правками, признав некоторые опечатки. А так попросил оставить все, как он написал. Что я и сделал.

Книга стихов Александра Казинцева вышла в день его смерти. И его супруга Нина Алексеевна, спросив разрешения у священника, положила книгу своего мужа ему в гроб, рядом с сердцем — под пиджак.

— Он очень ждал этой книги. И получается, что дождался, — сказала мне Нина Алексеевна.

Похоронили мы Александра Ивановича 11 декабря 2020 года на Химкинском кладбище, рядом с могилами его родителей. Пришло не так много людей, но пришли те, кто не могли не придти. Жена, сын, друзья, ученики, участники его семинара.

Александр Иванович лежал в гробу умиротворенный и даже, по-моему, улыбался. У меня нет сомнений: ему ТАМ хорошо. А нам — ЗДЕСЬ — без него плохо. Потому что это был действительно очень добрый и талантливый человек, думающий, прежде всего, о других.

Недавно я перечитал его письма ко мне. Они все, как правило, были полны забот и хлопот о других людях — о молодых авторах, которым он помогал как отец.

Уход Александра Казинцева из земной жизни — это огромная потеря для русского мира, для русской цивилизации, для русского самосознания. Ушел выдающийся человек и мыслитель, который сорок лет проработал в вестнике национального журнала, отвечая за публицистику, прозу, поэзию, составляя номера.

Я много общался с Александром Ивановичем и могу точно сказать: он был подлинным патриотом страны, патриотом своего народа, но в нем не было ни капли ксенофобии.

Он уважал друзей юности, с которыми разошелся по концептуальным взглядам на мир, всегда находил в них что-то хорошее. Например, в поэзии Сергея Гандлевского любил самоиронию, у Алексея Цветкова отмечал удачные рифмы...

А его любимым поэтом и учителем, с которым он дружески общался многие годы, был Арсений Тарковский — о нем он мог рассказывать часами.

Он также рассказывал мне о Шукшине, Троепольском, Белове, Распутине, которых хорошо знал и любил.

С Александром Ивановичем мы сделали совместными усилиями ряд телевизионных передач для телеканала «Диалог» под рубрикой «Читальный зал», в которых он представлял номера журнала «Наш современник», а также записали его как поэта в программе «Поэтоград». Он любил приходить к нам в студию и офис в Глинцевском переулке, а также ко мне домой на улицу Черняховского, где мы также записывали наши передачи.

В быту Александр Иванович был скромным, не выпивал, чай пил с простыми сухарями, сладкого ему было нельзя — он страдал диабетом.

Александр Иванович Казинцев было глубоко верующим человеком, воцерковленным, утро, как рассказала мне Нина Алексеевна, начинал с молитвы и заканчивал день молитвой. Одна из его любимых молитв была такая: «Господи, пошли мне смерти легкой, быстрой и не позорной...» Господь его услышал. Александр Иванович скончался 7 декабря практически мгновенно. Оторвался тромб.

— Неожиданно он посмотрел на меня как-то очень удивленно, — рассказала мне Нина Алексеевна, — как-то совершенно изумленно. Он увидел что-то такое, чего раньше не видел. А потом закрыл глаза. И уже больше их не открывал.

Название книги — «Сила земли» — оказалось пророческим. Земля взяла к себе Александра Ивановича Казинцева. Но есть еще и сила неба. Есть стихи и публицистика, и литературная критика Александра Казинцева. Продолжается его род, продолжается его дело.

Никто из нас никогда не забудет этого светлого, благородного человека, от которого исходил свет доброты, понимания и таланта.

Вечная память!

Евгений СТЕПАНОВ

Сегодня в
номере:

Поэзия и проза
членов Союза
писателей XXI века

*

Новости литературной
жизни

*

Антология
Евгения Степанова
«Они ушли. Они остались»

*

Книжные новинки

*

Литературный кроссворд

РЕКЛАМА

**«Диалог» —
ЭТО ВАШ
ТЕЛЕКАНАЛ!**

**ТЕЛЕКОМПАНИЯ
«Диалог» СОЗДАЕТ
ФИЛЬМЫ О ТЕХ ЛЮДЯХ
И ФИРМАХ,
КОТОРЫЕ ДОБИЛИСЬ
ЗНАЧИМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ
В ЖИЗНИ.**

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Роман «Долина костей» — вторая книга трилогии «Дыхание жизни» — является продолжением романа «Сертификат». Автор продолжает рассказывать о трагических событиях на территории оккупированной нацистами Риги.

Война разлучила членов семьи доктора Гольдштейна. Родители попадают в гетто, где Залман еще наивно надеется на милость захватчиков, а Фира в последние дни жизни вспоминает Йосэфа. Дочь удалось спрятать у хуторянина-латыша, а сын примкнул к вооруженному отряду советских активистов.

Йосэф с женой в Америке. Страна пока не воюет. Поэт винит себя в том, что позволил Фире вернуться в семью. Он ищет способы помочь еврейскому народу Европы, но все его попытки помочь еврейским беженцам не имеют успеха, поскольку Штаты не планируют менять иммиграционную политику: евреев не выделили в категорию иммигрантов, которым угрожает непосредственная опасность. Да и с Джуди отношения складываются не лучшим образом.

Но история Йосэфа относительно спокойна, чего не скажешь об обитателях рижского гетто. Истребление евреев идет полным ходом. Помещенные в гетто, без средств к существованию и каких-либо надежд на спасение, Фира и Залман понимают, что обречены. Но если доктору чудом удастся выжить (в самый последний момент его спасает Фрицис), то ее жизнь трагически обрывается. Пронзительна сцена гибели жены доктора. Читая эти строки, вспоминаешь Венеру Боттичелли, прекрасную не телом, а контуром тела: «Издали доктор видел, как поддерживая Эмму, идет по снегу обнаженная Фира. Золотисто-рыжие волосы развевались, красота Фире не поблекла даже в гетто, и казалось, будто статуя древней богини сошла с музейного пьедестала. На нее смотрели все: и немцы, и латыши, и те, кому оставалось жить считанные минуты». Женщина — символ жизни. Когда ее не станет, чудом спасенный доктор Гольдштейн осознает, что не должен был оставаться в живых: «А его дети? Что скажут они, если ему будет дано их увидеть? "Папа, как ты смог после этого жить?"».

Наряду с линиями жизни Залмана и Йосэфа, автор продолжает описывать историю третьей стороны — спасительной для многих. Михаэль, сын доктора Гольдштейна, в армии, призванной нести освобождение. Его обвиняют в дезертирстве, но ему удается спастись. Это тоже выглядит символически: значит, род Залмана не прервется, значит, рано или поздно кровавая машина остановится. Освободительный для миллионов людей характер миссии Красной Армии особо подчеркивается автором. С боев за Таллин начинается вторая книга. После всего, что ему удалось перенести (бои, госпиталь, допросы), юноша остается в живых и снова уходит на фронт.

Ханох Дашевский

«Дыхание жизни»

Роман. Книга вторая. «Долина костей»

М.: «Вест-Консалтинг», 2020

Дыхание жизни пока не прерывается. Если есть те, кто совершают насилие, всегда найдутся те, кто его остановит.

История человечества, пожалуй, не помнит более жестокого преступления, чем Холокост. Но что мы видим сейчас, спустя семьдесят пять лет после окончания войны? Многие молодые люди, спроси их на улице, не смогут ответить, что значит это слово. То ли в этом виновата система образования, то ли просто больно вспоминать о былом, но факт налицо: даже сейчас, когда еще живы жертвы Холокоста, 30% европейцев ничего о нем не знают. Между тем, история показала к чему может привести национализм: «Впереди послышались крики. Это шуцманы подгоняли евреев. Быстрее, быстрее! Расстреливали немцы, а латышские полицейские должны были обеспечить "конвейер". Ни минуты простоя!». Ни при каких обстоятельствах больше не должно случиться то, что автор описывает сдержанно, если не сказать больше — буднично (а ведь для пособников фашистов это и были обычные будни): «Вначале, после первых убитых евреев, среди которых было много детей, Янцису стало не по себе, но он быстро привык, а заодно и потерял, наконец-то, невинность. Недостатка в еврейках, с которыми можно было проделывать все, что угодно, ребята Арайса не испытывали. Янцис и тут

заприметил одну красивую блондинку с арийской внешностью. Таких у него еще не было, и приходилось только сожалеть о том, что в этом лесу не разгуляешься. Мороз, да и немецкое начальство глазеет».

Эту книгу нужно читать, преодолевая боль и ненависть к некоторым персонажам. «Память — это начало. Когда люди помнят, это является первым шагом к пониманию истории», — утверждает историк из Америки, известный исследователь холокоста Тимоти Снайдер. Память, облаченная в художественную форму, направлена на то, чтобы предотвратить акты геноцида в будущем.

А кто знает, что будет в будущем? Это зависит от нас. Роман Ханоха Дашевского, кроме мемориальной и художественной, имеет еще и неочевидную, но не менее важную ценность, которая проявляется во многих эпизодах. Это отношение к происходящему. Кто-то и в мясорубке остается человеком. Вот доктор Абрамсон, беседуя с упавшим духом Гольдштейном, говорит о том, что удивительно слышать на территории гетто: «А выживу — в третий раз женюсь. Уж таков наш еврейский путь. Что бы ни случилось, как бы тяжело не было, надо жить, и дать жизнь потомству — чтобы жил народ». Но любой ли ценой сохранять себе жизнь? Фира не врет о своем происхождении и погибает, в то время, как другая девушка, чистокровная еврейка, кричит по-немецки: «Я — латышка!» и в результате избегает смерти.

То же самое и среди латышей. Нравственный выбор ставит людей по разные стороны баррикад. Одна сторона упивается собственной властью: «Рута так размечталась, видя себя в роли старшей сестры, Зенту в Саласпилсе, а окончательно распотанного Гольдштейна там, где ему и всем евреям место, что совершенно перестала общаться с Фрицисом, и в один из вечеров не обнаружила его дома». Куда же он ушел? А муж, наконец, насмотревшись на зверства сторонников Гитлера, делает свой выбор и становится связным рижского подпольного центра.

Мир многое пережил и осознал за минувшие семь с половиной десятилетий. Хочется верить, что события, описанные в романе Ханоха Дашевского, никогда не повторятся. Эта книга своего рода поучение всем нам: мы не должны быть безучастными. Позволю себе привести в заключение слова замечательного психолога Виктора Франкла, который отправился в нацистский лагерь вместе с родными: «У человека можно отнять все, кроме одного: последней свободы человека — выбирать собственное отношение к любым обстоятельствам, выбирать собственный путь».

Ольга ЕФИМОВА

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

РИТМЫ СОФЬИ РЭМ

Звук, звукопись, игра оттенков, заложенных в каждой букве...

Софья Рэм хорошо представляет это, вводя в реальность строки вибрирующие и упругие, нервно напряженные и красивые:

Чело пчелы полно печали, друг
Гораций, знаешь, что еще не снилось
Всем мудрецам, похожим на уют,
Полет на юг прервавший? Наутилус
В полночном море, тот лежит на дне,
Но по воде не плавают оне.

Нечто алхимическое, мерцающее в сосуде стихотворения, множится на фантазию — вполне современную, хоть и черпающую частично лексику в архаике...

Чело пчелы — словосочетание, врезающееся в сознание с резкостью, подобной укусу оной пчелы; и нервы звука, вращающегося в сознание, точно заставляют взглянуть на реальность по-другому: угол зрения меняется.

Сгущения много в стихах Рэм: кажется, стремится вложить в строку все, что возможно:

В тебе не одно добро. Но хронос берез —
Не зло, не добро, а времени шелест в нас.
НЕВРЕМЯ — писал на асфальте. А лезло в глаз
Время, бросающее вопрос
Перчаткой жесткой плашмя в лицо.

Узлы метафизики завязываются крепко: развязывать их незачем, вопросы вечны.

На то же претендуют и стихи.

Но вечность не открывает своих карт севшему играть с ней поэту.

Александр БАЛТИН

РЕКЛАМА

• литературный портал и магазин современной литературы и периодики •

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Волна — символ, известный со времен античности. Олицетворяя до нашей эры воду в широком смысле (океан, море), это слово в наше время зачастую служит отображением постоянной изменчивости окружающего мира. Кроме того, стихия воды одновременно и дарует жизнь, и забирает ее. Само по себе слово «вода» — нейтрально, но «волна» — ее составная часть — заряжена энергией движения и не может существовать сама по себе, а только в связи с механическим вмешательством. Если мы выходим на берег водоема и видим волны, а ветра нет — значит, где-то вдалеке прошел шторм. Если где-то убыло, значит, в другом месте прибудет. Никакой статики.

Перед вами сборник стихов Лады Баламут, с первых страниц которого становится ясно, что его название выбрано в строгом соответствии с авторской рефлексией. Заголовок — всегда ориентир для читательского восприятия. Обобщив свой личный и творческий опыт архетипическим символом «волна», автор подготавливает нас к содержанию, полному и приобретенный, и потерь. Иногда авторский взгляд охватывает лирических героев со стороны. Например, упаковывает в изящное восьмистишие роковую быстротечность человеческой жизни:

И все бы было хорошо,
Когда б нас не было на свете...
Рождались бы чужие дети,
Чужой бы век куда-то шел,
Смотрелись в зеркала чужие
Глаза, не ведая стыда,
Когда бы мы с тобой не жили —
Не умирая никогда...

Не станет нас — а миру хоть бы что? С этим трудно примириться. Стихотворение графически выглядит незавершенным, ибо поставить точку означает твердо согласиться со сказанным. Здесь же мы видим размышление осторожное, немного умозрительное, и в его незаконченности пульсирует дыхание жизни.

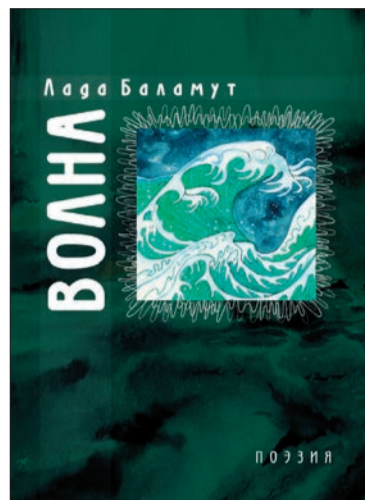
А вот другое стихотворение, где магический повтор ключевого слова вводит читателя в легкий транс. В своем каждодневном существовании, в рутине суеты, человек нередко не замечает конечности своей жизни. Но, глядя на падающий снег, лирическая героиня Лады Баламут остро осознает, что не вернешь этот миг, ни на секунду не остановишь тихую поступь времени:

Необратимо и досрочно
Ложится тихий снег полночный,
Моей печали побратим —
Необратим. Необратим.

У автора стихотворения гораздо меньше возможностей, нежели у прозаика, для раскрытия столь фундаментальной

Лада Баламут «Волна»

М.: «Вест-Консалтинг», 2021

темы, как «время», поскольку сам формат лирического стихотворения предполагает сиюминутность высказывания. Время и пространство — основные категории нашего бытия, они не подвержены каким-либо объективным внешним изменениям. Но при этом само «время» — многозначное понятие. Субъективное же восприятие человека в купе с невозможностью «все отмотать назад» делают стихотворения о минувшем пронзительными и печальными. Особенно если в условный отрезок времени врывается по-детски маленькая, вполне конкретная и живая «ладошка», пытающаяся остановить мгновение:

Луч рассеянного света,
Я в ладошку ухватила —
Говорят, что было лето,
Было лето, лето — было...

Многоточие используется обычно для выражения прерванности речи. Вот и Лада Баламут, употребляя этот знак препинания, будто бы «берет дыхание», создавая эффект усеченной речи. Начиная строфу как бы издали, обрывает ее, заставляя читателя размышлять над сказанным вместе с ней:

...И я смотрю как снег ложится.
Как у людей светлеют лица,
Как пар над серою рекой
Струится под моей рукой.
Рука их делит — пар и снег...

Многоточие приходит на помощь автору и там, где необходим открытый финал, который дает читателю шанс самому додумать концовку, подключив воображение:

За рекой мигают
Тусклые дома...
Долгая, тугая,
Предстоит зима...

Героиня смотрит на бесцветные дома. Это она и не она одновременно. Взгляд уходит за горизонт, и мысли потихоньку разбегаются... Изображенная здесь блеклая, однообразная природа раскрывается автором в минорной тональности. Кажется, сменить обстановку — и тональность изменится. Но море в стихах Лады Баламут выглядит не только теплым и умиротворяющим. Автор показывает побережье в разных его настроениях. И ветренное, тревожное состояние удается ей особенно хорошо — пульсирует короткая и четкая строка с ударением на первом слоге:

Выйди на берег,
Стань и замри:
Ветер снаружи.
Ветер внутри.

В этой книге оттенки эмоций лирической героини представлены вариативно, во всем своем многообразии. И это не может не радовать. Наше сознание полифонично, и через переживание разных состояний мы развиваемся, формируем собственное миропонимание. Замерев под ветром, легче прислушаться к внутреннему голосу, осознать свою непохожесть на других. А вдыхая терпкий запах морской воды, мы можем пробудить в себе нового человека — более свободного и независимого.

«Волна» Лады Баламут напоминает нам: постоянны лишь перемены.

Ольга ЕФИМОВА

ПОРТРЕТЫ ПОЭТОВ

СОЛНЕЧНЫЙ ЛИРИЗМ ЛЮДМИЛЫ САНИЦКОЙ

Мир механический, технический может найти воплощение в стихотворении, но будет противопоставлен действительности иной: природной, растущей:

Шуршанье шелковое шин
Да самолетов гул тяжелый...
Но щебет ласточек веселый,
Но свет рубиновых рябин!..

Великолепна притом звукопись, что демонстрирует Людмила Саницкая: и даже перекличка изящных ш и тяжело ж говорит о тяготении языка к ласточкам, легко и остро расчерчивающим простор, к рябине, сулящей рубиновое вино фантазии.

В стихах Саницкой тонко совмещаются лирика и метафизика, и совмещение это, данное через призму осмысления действительности, приносит изящные словесные плоды:

Когда движеньем колеса
Фортуна выдала удачу,
На переделкинские дачи
Взор обратили небеса.

И проявился старый дом
С открытой книгой на фронтоне,
И побеленные колонны,
И тень ракиты над прудом.

Это поэзия, тяготеющая к классическим образцам: с их гармонической стройностью, крепкою выделкой стиха, балансом между небесным, дарующим жизнь, и, как следствие — стихи, и земным, насыщенным такой конкретикой, что стоит ее вместить в поэзию как можно большим объемом.

Орех, внимающий стихотворению, дает вдруг особую образность: через мерцание которой становится ясно, насколько все живо:

Мне, пришлое гостье, неумехе,
Собравшей рифм минорных горсть,
Внимало дерево ореха,
Что тоже тут, пожалуй, гость.

Все живо, одушевлено, взаимодействует, развивается: в том числе и об этом поют замечательные стихи Людмилы Саницкой.

Александр БАЛТИН

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

АНТОЛОГИЯ «ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ»

Евгений Степанов — поэт, прозаик, кандидат филологических наук, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Президент Союза писателей XXI века, генеральный директор холдинга «Вест-Консалтинг». Автор книг стихов, прозы, многих публикаций в периодике. Живет в Москве.

БОРИС СЛУЦКИЙ (1919–1986)

«ЗАПАХ ЛЖИ, ПОЧТИ НЕУСЛЕДИМЫЙ...»;
«ВСЮ ЖИЗНЬ ГОТОВИШЬСЯ...»;
«А ЧТО СУЛЯТ НАМ ПЕРЕМЕРЫ?...»;
«ХОРОШО БЫ, ЖИВ ПОКА...»;
«ВРАГОМ ЕГО ЯВНЫМ СЧИТАЛИ...»;
«ЛЮДИ СМЕТКИ И ЛЮДИ ХВАТКИ...»;
«КАК БЫ ЧУВСТВА НИ БЫЛИ ПЫЛКИ...»;
«ПОЛОВИНА ЛАВИНЫ...»;
«СИЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРЫ...»

Великому поэту Борису Слуцкому, он, кстати, родом из многострадального донбасского Славянска, в жизни везло не часто, но ему повезло после смерти, потому что его литературным душеприказчиком и публикатором стал замечательный подвижник и литературовед Юрий Леонардович Болдырев (1934–1993).

А мне повезло, что мы с Юрием Леонардовичем дружили, я о нем уже много раз писал в своих статьях и книгах.

В конце восьмидесятых годов, когда я работал литературным редактором в популярном (тираж пять миллионов) еженедельнике «Семья», Юрий Леонардович приходил ко мне и моему начальнику поэту Михаилу Поздняеву, теперь тоже участнику нашей антологии, в гости, в редакцию, которая тогда размещалась в самом центре Москвы, на Пушкинской площади, в комбинате «Известия». И мы даже подготовили несколько посмертных публикаций Слуцкого.

Стихи Слуцкого я всю жизнь собираю, выписываю, учу наизусть. Одна из моих любимых песен — «Лошади в океане», написанная на стихи Бориса Абрамовича.

Татьяна Бек мне говорила, что Слуцкий дня нее поэт номер один.

Когда в девяностые Татьяна Александровна приехала в Нью-Йорк и познакомилась с Иосифом Бродским, то их во многом сблизило отношение к Слуцкому, которого нобелевский лауреат тоже очень высоко ценил.

* * *

Запах лжи, почти неуследимый,
 сладкой и святой, необходимой,
 может быть, спасительной, но лжи,
 может быть, пользительной, но лжи,
 может быть, и нужной, неизбежной,
 может быть, хранящей рубежи
 и способствующей росту ржи,
 все едино — тошный и крошечный
 запах лжи.

* * *

Всю жизнь готовишься.
 Мускулы растишь.
 Читаешь книги. Выписываешь выписки.
 И ожидаешь тот покой и тишь,
 Когда повесишь собственную вывеску.
 А где-то генов странная игра
 Выталкивает в мир счастливец.
 И светом смысла, правды и добра
 Он сразу озаряет наши лица.

* * *

А что сулят нам перемены?
 Они идут, как племена.
 Они сулят нам перемеры
 параметров. А как война?
 Теперь большой войны не будет,
 четырехлетней мировой.
 Теперь бомбежка не разбудит
 и не напомнит: «Ты живой!»

* * *

Хорошо бы, жив пока,
 после смерти можно тоже,
 чтобы каждая строка
 вышла, жизнь мою итожа.
 Хорошо бы самому
 лично прочитать все это,
 ничему и никому
 не передоверив это.
 Можно передоверить,
 лишь бы люди прочитали,
 лишь бы все прошло в печать —
 мелочи все и детали.

* * *

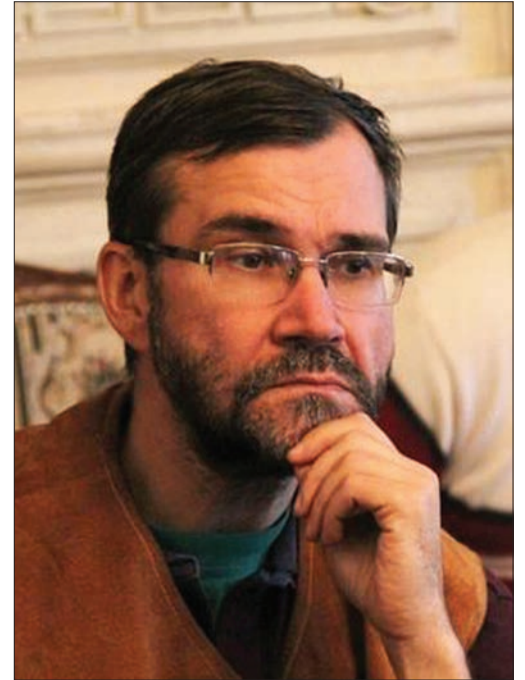
Врагом его явным считали,
 что тайного выше врага.
 И с ненавистью читали,
 здоровались за три шага.
 А он понимал это, видел
 и, хоть углубляться не стал,
 вовсе не ненавидел,
 как, впрочем, и не читал.

* * *

Люди сметки и люди хватки
 Победили людей ума —
 Положили на обе лопатки,
 Наложили сверху дерьма.
 Люди сметки, люди смекалки
 Точно знают, где что дают,
 Фигли-мигли и елки-палки
 За хорошее продают.
 Люди хватки, люди сноровки
 Знают, где что плохо лежит.
 Ежедневно дают уроки,
 Что нам делать и как нам жить.

* * *

Как бы чувства ни были пылки,
 как бы ни были долги пути,
 очень тесно стоят могилки,
 очень трудно меж них пройти.
 Территория мертвого уже,
 чем живой рассчитывать мог,
 и особенно — если лужи
 и тропинка ползет между ног.

К точке сведены все пространства.
 Все объемы в яму вошли.
 Охлаждаются жаркие страсти
 от сырой и холодной земли.

* * *

Половина лавины
 прорвалась сквозь огонь,
 а еще половина
 не ушла от погонь.
 Камнепадом забита
 и дождем залита,
 половина забыта,
 непрошедшая, та.
 А прошедшая лава
 получает сполна.
 Ей и счастье и слава,
 а другим — ни хрена.

(Стихотворения были опубликованы в книге: Слуцкий Б. А. «Стихи разных лет: Из неизданного». — М.: Советский писатель, 1988 г.)

* * *

Сильные характеры
 силу свою проявляют.
 Слабые характеры
 слабо хвостом виляют.

Сильные характеры
 любят жрать отбивные.
 Слабые характеры
 любят блюда иные:

морковные биточки
 доедают до точки,
 не затяжное пьянство —
 сплошное вегетарианство.

Сильные характеры
 хлопают по коленке.
 Слабые характеры,
 слабые, как калекки,

смирно, без разговоров
 выдерживают хлопки,
 не проявляют норров,
 не выявляют тоски.

(Стихотворение из альманаха «Поэзия», № 48, Москва, «Молодая гвардия», 1987 г.)

Продолжение на стр. 5

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ
АНТОЛОГИЯ «ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ»

Продолжение. Начало на стр. 4

ВЛАДИМИР СОКОЛОВ (1928–1992)

«МАШУК ОПЛЫЛ — ТУМАН В ОКРУГЕ...»;
 «ВДАЛИ ОТ ВСЕХ ПАРНАСОВ...»;
 «СНЕГА БЕЛЫЙ КАРАНДАШ ОБРИСОВЫВАЕТ
 ЗДАНЬЯ...»;
 «Я ЗАБЫЛ СВОЮ ПЕРВУЮ СТРОЧКУ...»;
 «У ВЕРХОВЬЯ ВОЛГИ»;
 «ПЛАСТИНКА ДОЛЖНА БЫТЬ ХРИПЯЩЕЙ...»;
 «НЕТ ШКОЛ НИКАКИХ. ТОЛЬКО СОВЕСТЬ...»;
 «НЕ ТОРОПИСЬ. ПОГОДИ. ОБОЖДИ...»;
 «УПАСИ МЕНЯ ОТ СЕРЕБРА...»;
 «ТЫ ГОВОРИШЬ, ЧТО ВСЕ ДЕЛА...»;
 «БЕЗВЕСТНОСТЬ — ЭТО НЕ БЕССЛАВЬЕ...»;
 «ЧТО ТАКОЕ ПОЭЗИЯ? МНЕ ВЫ...»

Владимир Соколов никогда не спешил за модой, не суетился, не пробивался. И вот уже много десятилетий он — один из самых читаемых в России авторов. Любим самыми разными слоями нашего народа, и, что наиболее примечательно, представителями разношерстного литературного сообщества — и традиционалистами, и авангардистами. Потому что талант. Потому что настоящий. Потому что сумел свое «новое слово тихонько шепнуть». Так тихо, что все услышали.

Удивительно — с годами его поэтика практически не претерпела изменений. Он дебютировал в сороковые (!) годы прошлого века сложившимся мастером, поэтом классической традиции. Не все стихи у Соколова равнозначны — это правда. Но в своих лучших произведениях это, конечно, поэт Божьей милостью. Лучше всего о себе он сказал сам:

Вдали от всех парнасов,
 От мелочных сует
 Со мной опять Некрасов
 И Афанасий Фет.

Он и сам из этого ряда — продолжатель великой силлаботонической традиции XIX века. Хотя, надо признать, он не был чужд и определенных формальных поисков — писал свободные стихи, находил необычные рифмы. Вот, например, какая неожиданная и звучная строфа:

Окно от дома до сарая
 Бросало луч.
 Какая терпкая, сырая
 Стояла ночь!

По этой строфе можно судить о версификационном мастерстве поэта. Четырех/двухстопный ямб не выглядит устаревшим и старомодным, стих пружинист, поэт использует паронимическую рифму сарая — сырая (подобные рифмы стали наиболее распространены именно в конце XX века), неожидан для традиционалиста рифмоид луч — ночь. Словом, традиционалист Соколов использовал широкий диапазон стилистических приемов. Традиция находила опору в поиске новых выразительных средств. А новые выразительные средства «опирались» на традицию. Все взаимосвязано. Но главное, что совершенная стихотворная техника Владимира

Соколова была слита воедино с его лирическим героем — нешумным, совестливым, ранимым и думающим не только о себе.

Я был немножко знаком с В. Н. Соколовым, этим замечательным и скромным человеком, печатал его стихи в журнале «Мы», где в 1990 году работал редактором отдела поэзии. Соколов диктовал мне из Переделкина стихи по телефону. А я их от руки записывал, потом набирал на пишущей машинке. Рад, что хоть как-то ему пригодился.

* * *

Машук оплыл — туман в округе.
 Остыли строки, стаял дым.
 А он молчал почти в испуге
 Перед спокойствием своим.

В который раз стихотворенье
 По швам от страсти не рвалось.
 Он думал: это постаренье!
 А это зрелостью звалось.

Так вновь сдавалось вдохновенье
 На милость разума его.
 Он думал: это охлажденье.
 А это было мастерство.

1956

* * *

Вдали от всех парнасов,
 От мелочных сует
 Со мной опять Некрасов
 И Афанасий Фет.

Они со мной ночуют
 В моем селе глухом.
 Они меня врачуют
 Классическим стихом.

Звуча, гоня химеры
 Пустого баловства,
 Прозрачные размеры,
 Обычные слова.

И хорошо мне... В долах
 Летит морозный пух.
 Высокий лунный холод
 Захватывает дух.

1960

* * *

Снега белый карандаш обрисовывает зданья...
 Я бы в старый домик ваш прибежал без опозданья,
 Я б пришел тебе помочь по путям трамвайных линий.
 Но опять рисует ночь черным углем белый иней...
 У тебя же все они, полудетские печали.
 Погоди, повремени, наша жизнь еще в начале.
 Пусть уходит мой трамвай! Обращая к ночи зренье,
 Я шепчу беззвучно: «Дай позаимствовать уменье.
 Глазом, сердцем весь приник... Помогите мне в миг
 бесплодный.
 Я последний ученик в мастерской твоей холодной».

1960

* * *

Я забыл свою первую строчку.
 А была она так хороша,
 Что, как взрослый на первую дочку,
 Я смотрел на нее не дыша.

Луч по кляксам, как по чечевицам,
 Колыхался. И млело в груди.
 Я единственным был очевидцем
 Посвященья.
 Тот миг позади.

Но доньине всей кровью — в расщелку —
 За свое посвященье плачу.
 Я забыл свою первую строчку.
 А последней я знать не хочу.

1963

У ВЕРХОВЬЯ ВОЛГИ

Стоят над Селигером
 И церкви и дома.
 Молчат о Селигере
 Отдельные тома.

А там — в душе России —
 Начало и исток.
 Там у спокойной сини
 И запад и восток.

Там ветер влажно веет
 Сквозь зелень над водой.
 Там drankа золотее,
 Как купол золотой.

1965

* * *

Пластинка должна быть хрипящей,
 Заигранной... Должен быть сад,
 В акациях так шелестящий,
 Как лет восемнадцать назад.

Должны быть большие сирени —
 Султаны, туманы, дымки.
 Со станции из-за деревьев
 Должны доноситься гудки.

И чья-то настольная книга
 Должна трепетать на земле,
 Как будто в предчувствии мига,
 Что все это канет во мгле.

1967

* * *

Нет школ никаких. Только совесть,
 Да кем-то завещанный дар,
 Да жизнь, как любимая повесть,
 В которой и холод и жар.

Я думаю, припоминая,
 Как школила юность мою
 Война и краюшка сырая
 В любом всероссийском раю.

Учебников мы не сжигали,
 Да и не сожжем никогда,
 Ведь стекла у нас вышибали
 Не мячики в эти года.

Но, знаешь, зеленые даты
 Я помню не хуже других.
 Черемуха... Май... Аттестаты.
 Березы. Нет школ никаких...

1971

* * *

Не торопись. Погоди. Обожди.
 Скоро пойдут проливные дожди.

Не говори мне того, что я сам
 Скоро узнаю по чьим-то глазам.

Не торопись. Помолчи. Погоди.
 Ведь у меня еще все впереди.

Продолжение на стр. 6

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

АНТОЛОГИЯ «ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ»

Продолжение. Начало на стр. 4

Тают дороги. Ломаются льды.
Дай постоять на пороге беды.

1972

* * *

Упаси меня от серебра
И от золота
 свыше заслуги.
Я не знал и не знаю добра
Драгоценнее ливня и вьюги.

Им не надо, чтоб я был иной,
Чтоб иначе глядел год от года.
Дай своей промерцать седinou
Посреди золотого народа.

Это страшно — всю жизнь ускользать,
Убегать, уходить от ответа.
Быть единственным —
 а написать
Совершенно другого поэта.

1973

* * *

Ты говоришь, что все дела:
Тянутся вверх, иди на дно.
Но ты со мною не пила
Мое печальное вино.

Мне интересен человек,
Не понимающий стихов,
Не понимающий, что снег
Дороже замши и мехов.

И тем, что — жизнью обделен!
Живет, лишь гривной дорожа,
Мне ближе и больнее он,
Чем ты, притвора и ханжа.

Да и пишу я, может быть,
Затем лишь, бог меня прости, —
Чтоб эту стенку прошибить,
Чтоб эту душу потрясти.

1975

* * *

Безвестность — это не бесславье.
Безвестен лютик полевой,
Всем золотеющий во здравье,
А иногда за упокой.

Безвестно множество селений
Для ослепительных столиц.
Безвестны кустики сиреней
У непрославленных криниц.

Безвестен врач, в размыве стужи
Идущий за полночь по льду...
А вот бесславье — это хуже.
Оно как слава. На виду.

1976

* * *

Что такое поэзия? Мне вы
Задаете чугунный вопрос.
Я как паж до такой королевы,
Чтобы мненье иметь, не дорос.

Это может быть ваша соседка,
Отвернувшаяся от вас.
Или ветром задетая ветка,
Или друг, уходящий от вас.

Или бабочка, что над левком
Отлетает в ромашковый стан.
А быть может, над Вечным Покоем
Замаячивший башенный кран.

Это может быть лепет случайный,
В тайном сумраке тающий двор.
Это кружка художника в чайной,
Где всемирный идет разговор.

Что такое поэзия? Что вы!
Разве можно о том говорить.
Это — палец к губам. И ни слова.
Не маячить, не льстить, не сорить.

1979

(Произведения из книги: Владимир Соколов.
«Стихотворения» — М: Детская литература, 1983 г.)

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН (1924–1997)

«ВОЛКИ»

С выдающимся прозаиком и очеркистом Владимиром Алексеевичем Солоухиным я несколько раз разговаривал по телефону в девяностые годы прошлого века. Когда работал обозревателем в еженедельнике «Крестьянская Россия», просил писателя об интервью, предлагал выступить на страницах нашей газеты с публицистикой или художественной прозой.

Владимир Алексеевич всегда отнекивался:
— Да я и не понимаю ничего в нынешней деревне, не пойму, что, вообще, творится в мире. Но вы мне звоните, не забывайте!

Это говорил один из лучших писателей-почвенников, один из самых мудрых людей, живших когда-либо на земле. Всем нам, болтливым литераторам, — пример скромности.

Солоухин начинал как поэт, всю жизнь писал стихи — и рифмованные, и верлибры.

Когда мне было 15 лет, я прочитал его стихотворение «Волки» в «Дне поэзии». И сразу понял: это настоящая поэзия.

ВОЛКИ

Мы — волки,
И нас
По сравненью с собаками
Мало.
Под грохот двустволки
Год от году нас
Убывало.

Мы, как на расстреле,
На землю ложились без стона.
Но мы уцелели,
Хотя и живем вне закона.

Мы — волки, нас мало,
Нас можно сказать — единицы.
Мы те же собаки,
Но мы не хотели смириться.

Вам блюдо похлебки,
Нам проголодь в поле морозном,
Звериные тропки,
Сугробы в молчании звездном.

Вас в избы пускают
В январские лютые стужи,
А нас окружают
Флажки роковые все туже.

Вы смотрите в щелки,
Мы рыщем в лесу на свободе.
Вы, в сущности, — волки,
Но вы изменили породе.

Вы серыми были,
Вы смелыми были вначале.
Но вас прикормили,
И вы в сторожей измелчали.

И льстить и служить
Вы за хлебную корочку рады,
Но цепь и ошейник
Достойная ваша награда.

Дрожите в подклети,
Когда на охоту мы выйдем.
Всех больше на свете
Мы, волки, собак ненавидим.

(Стихотворение с портала <https://rustih.ru/vladimir-solouhin-volki>)

Окончание на стр. 7

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА —

новая современная писательская организация,

идущая в ногу со временем и отвечающая потребностям творческих людей

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

АНТОЛОГИЯ «ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ»

Окончание. Начало на стр. 4

АРСЕНИЙ ТАРКОВСКИЙ (1907–1989)

«Я ТЕНЬ ИЗ ТЕХ ТЕНЕЙ, КОТОРЫЕ ОДНАЖДЫ...»;
 «ГДЕ ЦЕЛОВАЛИ СТЕПЬ КУРГАНЫ...»;
 «ПРОСЫПАЕТСЯ ТЕЛО...»;
 «ПОРТРЕТ»;
 «А ВСЕ-ТАКИ Я НЕ ИСТЕЦ...»;
 «ВОТ И ЛЕТО ПРОШЛО...»;
 «ПЛЯШЕТ ПЕРЕД ЗВЕЗДАМИ ЗВЕЗДА...»;
 «МНЕ БЫ ТОЛЬКО ТЕПЕРЬ ДО КОНЦА
 НЕ РАСКРЫТЬСЯ...»;
 «И ЭТО СНИЛОСЬ МНЕ, И ЭТО СНИТСЯ МНЕ...»

Мой друг А. П. Тимофеевский однажды сказал мне:
 «Лучший поэт XX века — Арсений Тарковский».

С этим, конечно, можно поспорить. А Блок, а Мандельштам, а Маяковский, а Хлебников, а Гумилёв, а Цветаева?..

Но совершенно очевидно, что Тарковский написал множество совершенных стихотворений.

Вот несомненные, на мой взгляд, шедевры.

* * *

Я тень из тех теней, которые, однажды
 Испив земной воды, не утолили жажды
 И возвращаются на свой тернистый путь,
 Смущая сны живых, живой воды глотнуть.

Как первая ладья из чрева океана,
 Как жертвенный кувшин выходит из кургана,
 Так я по лестнице взойду на ту ступень,
 Где будет ждать меня твоя живая тень.

— А если это ложь, а если это сказка,
 И если не лицо, а гипсовая маска
 Глядит из-под земли на каждого из нас
 Камнями жесткими своих бесслезных глаз...

* * *

Мир ловил меня, но не поймал.
Автоэпитафия Гр. Сковороды

Где целовали степь курганы
 Лицом в траву, как горбуны,
 Где дробно били в барабаны
 И пыль клубили табуны,

Где на рогах вола качали
 Степное солнце чумака,
 Где горькой патокой печали
 Чадил костер из кизяка,

Где спали каменные бабы
 В календаре былых времен
 И по ночам сходились жабы
 К ногам их плоским на поклон,

Там пробирался я к Азову:
 Подставил грудь под суховой,
 Босой пошел на юг по зову
 Судьбы скитальческой своей,

Топтал чабрец родного края
 И ночевал — не помню где,
 Я жил, невольно подражая
 Григорию Сковороде,

Я грыз его благословенный,
 Священный, каменный сухарь,
 Но по лицу моей вселенной
 Он до меня прошел, как царь;

Пред ним прельстительные сети
 Меняли тщетно цвет на цвет.
 А я любил ячейки эти,
 Мне и теперь свободы нет.

Не надивуюсь я величию
 Счастливых помыслов его.
 Но подари мне песню птичьую
 И степь — не знаю для чего.

Не для того ли, чтоб оттуда
 В свой час при свете поздних звезд,
 Благословив земное чудо,
 Вернуться на родной погост.

* * *

Просыпается тело,
 Напрягается слух.
 Ночь дошла до предела,
 Крикнул третий петух.

Сел старик на кровати,
 Заскрипела кровать.
 Было так при Пилате,
 Что теперь вспоминать?

И какая досада
 Сердце точит с утра?
 И на что это надо —
 Горевать за Петра?

Кто всего мне дороже,
 Всех желаннее мне?
 В эту ночь — от кого же
 Я отрехся во сне?

Крик идет петушиный
 В первой утренней мгле
 Через горы-долины
 По широкой земле.

ПОРТРЕТ

Никого со мною нет.
 На стене висит портрет.

По слепым глазам старухи
 Ходят мухи,
 мухи,
 мухи.
 Хорошо ли, — говорю, —
 Под стеклом твоим в раю?

По щеке сползает муха,
 Отвечает мне старуха:

— А тебе в твоём доме
 Хорошо ли одному?

* * *

А все-таки я не истец,
 Меня и на земле кормили:
 — Налей ему прокисших щец,
 Остатки на помойку вылей.

Всему свой срок и свой конец,
 А все-таки меня любили:
 Одна: — Прощай! — и под венец,
 Другая крепко спит в могиле,

А третья у чужих сердец
 По малой капле слез и смеха
 Берет и складывает эхо,
 И я должник, а не истец.

* * *

Вот и лето прошло,
 Словно и не бывало.
 На пригреве тепло,
 Только этого мало.

Все, что сбываться могло,
 Мне, как лист пятипальый,
 Прямо в руки легло,
 Только этого мало.

Понапрасну ни зло,
 Ни добро не пропало,
 Все горело светло,
 Только этого мало.

Жизнь брала под крыло,
 Берегла и спасала,
 Мне и вправду везло,
 Только этого мало.

Листьев не обожгло,
 Веток не обломало...
 День промыт, как стекло,
 Только этого мало.

* * *

Пляшет перед звездами звезда,
 Пляшет колокольчиком вода,
 Пляшет шмель и в дудочку дудит,
 Пляшет перед скинией Давид.

Плачет птица об одном крыле,
 Плачет погорелец на золе,
 Плачет мать над люлькой пустой,
 Плачет крепкий камень под пятой.

* * *

Мне бы только теперь до конца не раскрыться,
 Не раздать бы всего, что напела мне птица,
 Белый день наболтал, наморгала звезда,
 Намигала вода, накислола кислица,
 На прожиток оставить себе навсегда
 Крепкий шарик в крови, полный света и чуда,
 А уж если дороги не будет назад,
 Так втянуться в него, и не выйти оттуда,
 И — в аорту, неведомо чью, наугад.

* * *

И это снилось мне, и это снится мне,
 И это мне еще когда-нибудь приснится,
 И повторится все, и все доволплотится,
 И вам приснится все, что видел я во сне.

Там, в стороне от нас, от мира в стороне
 Волна идет вослед волне о берег биться,
 А на волне звезда, и человек, и птица,
 И явь, и сны, и смерть — волна вослед волне.

Не надо мне числа: я был, и есмь, и буду,
 Жизнь — чудо из чудес, и на колени чуду
 Один, как сирота, я сам себя кладу,
 Один, среди зеркал — в ограде отражений
 Морей и городов, лучащихся в чаду.
 И мать в слезах берет ребенка на колени.

(Стихотворения из книги «Стихи разных лет»
 (Тарковский А. А.). Издательство «Современник»
 (Москва, 1983 г.)

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ФАЙН

ОДИНОЧЕСТВО, ОБМАНУТОЕ СЧАСТЬЕМ

(ФРАГМЕНТЫ РОМАНА)

Александр Файн — прозаик, драматург. С отличием окончил машиностроительный факультет Московского института химического машиностроения. С 1958 по 1988 год работал в промышленности, был главным конструктором по ряду образцов новой техники. Член МСПС, Союза писателей XXI века. Автор публикаций в журналах «Слово», «Дети Ра», «День и Ночь», «Крещатик». Автор нескольких книг. Лауреат премии «Писатель XXI века». Живет и работает в Москве.

Продолжение. Начало в № № 7, 9, 10-12, 2020

ГЛАВА 1.3

В кабинете Файбиса за круглым гостевым столом сидела молодая, полноватая женщина лет тридцати с выразительными глубоко посаженными карими глазами и резко очерченным без губной помады ртом.

— Где профессор? — спросил вошедший Павел, закрывая за собой дверь.

— Добрый день, сейчас спустится, — женщина внимательно посмотрела на вошедшего.

— Извините, не поздоровался... По-моему, мы уже виделись здесь. С вашего позволения. — Павел отодвинул стул и сел.

— В прошлом году Ефим Львович нас знакомил. Мы чай пили за этим же столом.

— Точно! С фруктовыми вафлями... Вы врач-стоматолог. Рекомендовали даже убрать мне зазор между передними зубами, чтобы скрыть неискренность мою, которую вы так профессионально уловили.

— Это Ефим Львович сказал. Я не оцениваю пациентов по человеческим качествам.

Вошел Ефим в халате на голое тело. Когда однажды Павел посетовал, что плешина на его макушке расширяет плацдарм, профессор изрек: «Установлено научно, что усиленный волосяной покров на мужском теле и, наоборот, его отсутствие на макушке характеризуют отменный уровень тестостерона. Мой рабочий костюм — это ритуал и помощь в лечении особ противоположного пола. Женщины любят лечиться у настоящих мужиков».

— Привет. Ты чего задерживаешься?

— Пробки.

— Да что ты говоришь?! Людмила Владимировна, вы когда-нибудь слышали, что в Москве пробки...

Женщина улыбнулась и промолчала. Файбис сел и заговорщически оглядел гостей:

— Тебя теперь как представлять? Будущий Нобелевский лауреат по литературе? Этот пожилой бандерос предпринимает усилия наследить на новом поприще... Правоохранительные органы упустили момент разместить его в Бутырском санатории. Так он в отместку прокуратуре нашел новое занятие. Бунин много раз подавал на Нобелевскую премию и только в конце жизни добился. А этот нахал с ходу получит. Когда приедет в Швецию за медалью, в стране геев, лесбиянок, трансвеститов и социальной защиты потомок Карла XII объявит чрезвычайное положение и распустит парламент... Воспользуясь вашим присутствием, уважаемая Людмила Владимировна.

— Это как? — женщина перевела взгляд на Павла.

— Очень просто. Расскажу последний анекдот, который я привез из Одессы, пусть этот бандерос от словесности использует его в своих трудах. Но, чтоб такой нахал не присвоил авторства, приглашаю вас, Людмила Владимировна, быть свидетелем.

— В каком смысле? — женщина искренне удивилась.

— Этот ворога не только женской чести, но и перлов словесности, поместит в своих трудах без ссылки на источник, и я пролечу без гонорара, который в наше монетарное время должен соответствовать моему опыту и знаниям.

— Я согласна, — произнесла женщина с легким кокетством.

— Гонорар, естественно, от качества материала, — Павел подмигнул стоматологу. — Внимаем...

— К ребе в слезах приходит Сима. — Ефим говорил с акцентом старого еврея-одессита. — Ребе спрашивает: «Ну что уже опять случилось? — Умер Фима. Ему было только шестьдесят шесть. — Что?! Умер Фима? Так надо хоронить. — Не можем! — Нужен гроб? Фима не давал деньги на синагогу. А как проблема, так сюда. — Гроб есть, но не умещается! — Что не умещается? — Деньги! — Так возьмите другой гроб, чтоб глубже, я знаю, крышка выше. — Все равно не умещается. Он сказал, чтобы к нему в гроб... Последняя воля... Вы мудрый человек. Надо похоронить! — Так что я, плотник? Слушай сюда, женщина. Надо пересчитать все до копейки и принести мне. Я выпишу чек. Он поместится».

— Перший класс. Тройной гонорар! — Павел зашелся от смеха и всхлипывал, не останавливаясь.

— Людмила Владимировна, попрошу дать письменное свидетельство его обещания. — Ефим поднял указательный палец.

— Я согласна.

Файбис стал подробно рассказывать о своем путешествии к тибетским целителям.

Павел краем уха слушал затянувшуюся тираду друга и рассматривал женщину. Темно-каштановые волосы собраны в тугий пучок на затылке, мягкий овал лица, высокий лоб. Вырез белой кофточки опускался до ложбинки, которую призывно прикрывал кулон в виде камня.

Ефим не умолкал:

— Я попросил одного драматурга ознакомиться с опусом этой акулы бизнеса. Наверное, у того были серьезные материальные проблемы, и, в надежде поправить свои дела, зная чье словоблудье смотрит, он дал положительную оценку. Вы тоже почитайте, доктор. Заодно будет повод облагородить ему зубной прикус, чтобы скрыть его дурные наклонности, о которых я недвусмысленно намекал в прошлый раз. А меня ждут депутат и генерал... У них тоже проблемы. Так я им как ребе! — добавил Ефим и вышел, прикрыв плотно за собой дверь.

— Это очень серьезная операция? — спросил Павел, бросив взгляд на камею.

— Надо сделать снимки... Нет ли у вас анатомических особенностей.

— Можно без томографии головы... А вдруг будут обнаружены мозговые нарушения и склонность к аутизму.

— Достаточно рентгена челюстей.

— Слава богу... Давайте организуем новый бизнес. Не просто пациентам заменять родные зубцы на металлокерамику, а вживлять челюсти хищных животных в зависимости от рода деятельности, характера пациента... и, естественно, его финансовых возможностей... А какое название! «Зоологическая имплантация по индивидуальному заказу»... Отвечая за маркетинг и материальное обеспечение. Это будет мировой взрыв. На мне можно попробовать...

— И вам, конечно, челюсть акулы? Такая операция недешевая — придется преодолевать межвидовую несовместимость.

— Тем лучше! У меня есть коллега, он дайвер. Договорюсь, чтобы он ловил акул. Человек он творческий, любит нетривиальные задачи. Поэтому сырье за мной. А насчет пробела между зубами я согласен. Слава богу, вы не нашли у меня пробела между полушариями или между рептильной и эмоциональной оболочками мозга.

— Пациенты и с одним полушарием приходят. — Женщина порылась в сумке и протянула визитку. — Здесь служебные телефоны.

— А вдруг меня направят к специалисту-садисту, который окажется вашим поклонником? И он из ревности погубит зарождающийся на исходе лет неординарный литературный талант. Ведь Нобелевскую премию присуждают только здравствующим.

Она вынула другую визитку:

— Здесь мой мобильный. Звонить в обеденное время с четырнадцати до шестнадцати.

— Куда вас отвезти? — Павел пошел в атаку. — Я с водителем. Может, по рюмке, чтобы мне морально подготовиться к жизни без зазора?

— Я за рулем.

— Вы всегда на колесах? Или мне сегодня не повезло?

— С пациентами предпочитаю не пить.

— Ну что, договариваться насчет акул? Потребуется техническое задание по каждому клиенту: возраст акулы, место обитания, порода, характер... Надо определиться куда и почему сдавать туши. Предлагаю пойти в приличный рыбный ресторан, обсудим детали. Можно без рюмки... Откроем филиалы на Мальдивах и Багамах... С бассейном, где пациенты смогут лицезреть своих доноров. Стоимость проживания как в мизмизвездочном отеле.

— Общество охраны диких животных будет против! А моя судьба окажется в руках акулы бизнеса. Не люблю зависеть от кого-то.

— Мы будем зависеть друг от друга и станем первыми Нобелевскими лауреатами по стоматологии... Нет!.. Сначала мне надо получить ее по литературе... Вдруг одному не полагается два «Нобеля» даже по разным специальностям. А если полагается — я буду первым в мире дважды Нобелевским лауреатом... Акула — древнейший вид морской фауны, сохранившийся благодаря аппарату биопредвидения.

— Первый раз слышу о таком.

— Акулы консервируют в желудке часть поеденного про запас на случай голодомора. — Павел деланно вздохнул. —

Животный вариант Ванги. Поэтому, предвидя операцию, они в целях самозащиты могут делать имплантат непригодным для операции... А сейчас, уважаемый доктор, я скажу вещь, за которую мы с вами можем поплатиться жизнью. Достоверно известно, что в закрытых военных лабораториях велись опыты по совмещению генов акулы и человека... Полученные данные имеют гриф «совершенно секретно». Мы можем стать объектом внимания соответствующих структур.

— Неужели акулы такие умные? При успехе сколько нам тогда будет?

— Один — ноль в вашу пользу. Биологический или паспортный?

— По зубам это несложно установить.

— Два — ноль. Я плохо переношу поражения!

Павел подошел вплотную к женщине, взял ее кисть, от нее исходил приятный запах свежести:

— Представляю, какое удовольствие вы испытываете, когда вынимаете этой дланью чужую челюсть.

— Стоматологическая хирургия — не моя специализация.

Павлу так не хотелось отпускать руку, которую стоматолог тянула к себе:

— Хочу заметить, что самый успешный бизнес живет только на доверительной и добровольной основе... Разрешите откланяться. — Ну как, мне звонить приятелю-дайверу?

— Я подумаю, но, скорее всего, ответ будет отрицательным.

— Как-то я прочел, что в Америке хранится скелет древней акулы, в пасти ее зубы длиной двадцать сантиметров. Кажется, это чудовище называется по-научному мегалонем. Если вы откажетесь от совместного бизнеса, другими словами, меня лишите возможности зарабатывать серьезные деньги, я слетаю в Штаты — куплю пару мегалонных зубов и договорюсь с каким-либо сговорчивым стоматологом, чтобы он мне их имплантировал... А друзьям буду рассказывать, как стал вампиром.

— Я не хочу нести ответственность за судьбу ваших жертв.

— При наличии очень дорогих адвокатов дело можно повернуть в нужную сторону... Вряд ли вам удастся отделаться просто штрафом.

— Вы действительно акула... Тем более, надо думать!

Вечером Павел отказался от ужина, сославшись на необходимость подготовиться к совещанию. В домашнем кабинете он принялся перелистывать рукопись и вносить исправления. Не покидавший его запах стоматологической ладони мешал сосредоточиться. «Что-то похожее было в Лондоне, но столько лет прошло. Надо дать Ефиму исправленный вариант и намекнуть, чтобы показал стоматологу. А через недельку позвонить ей насчет прикуса... Про акул ни слова!.. Похоже, у них с Ефимом ничего нет, во всяком случае, сейчас, иначе зачем ему распалиться насчет моего словоплетства...»

На предпоследний сеанс Павел приехал пораньше. Принес любимые профессором фруктовые вафли и попросил чаю, а когда принесли китайский чугунный чайник на подставке с фитилем, спросил у Файбиса:

— Прости за бестактность... У тебя со стоматологом что-нибудь было?

— Рабочий вариант... год назад. Она хотела избавиться от курения, а я у нее почистил рот и вставил пару пломб.

Продолжение на стр. 4

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ФАЙН
ОДИНОЧЕСТВО, ОБМАНУТОЕ СЧАСТЬЕМ
(ФРАГМЕНТЫ РОМАНА)**Продолжение. Начало на стр. 8**

Извини... У нее с мужем проблемы... Адюльтер... Слетали в Крым... Потом несколько встреч было. Природно умная и честная. У нее проблемы дома.

Файбису явно было неловко.

— Я подправил рукопись. Хотелось бы знать и непрофессиональное мнение.

— Все ясно, Нобелевский номинант... — Файбис обрадовался закрытию темы. — Она завтра приведет сестру с молодым мужем. У пары проблемы... И я виртуозно вручу твой исправленный опус.

— Ты проницателен и, как всегда, велик! — Павел деловито устраивался на кушетке.

— Фрейд дал свое объяснение человеческим порокам и заболеваниям, но не предложил способов избавления от них. А великий китайский медик и маг Дун Сюаньцзы, живший в VII веке, излечивал многие недуги на основе секса. Я, мой друг, собираюсь посетить Китай для изучения энергетических практик, которые имеют влияние на интимные возможности мужчин. Мой гонорар увеличится втрое. А пока могу оставить тебе ключ от квартиры, которую использую для контроля своего либидо... Приеду, поделюсь приобретенными знаниями... Ну, дать ключ?

Павел усмехнулся, но промолчал. «Наверное, у профессоров медицины, которым пациенты вместе с болячками несут неизбежно интимное, взгляд на "ключ" другой. Взял его и вперед! А кто этим ключом и при каких обстоятельствах раньше пользовался — какая разница...»

Павел открыл дверь в свою приемную раньше обычного. Его помощница, рыжеволосая красавица Оксана, быстро наводила порядок на столе. Павел необычно сухо поздоровался и попросил ему принести крепкий кофе без добавления сливок и какао. Оксана встала, поправила рыжую копну и тихо спросила:

— Может, что-нибудь поесть?

— Спасибо, только кофе и покрепче.

Он плохо спал, утром не делал зарядку. Ему снился один и тот же дурацкий сон, от которого он не мог избавиться. Он просыпался и снова засыпал...

Какая-то женщина в черном кожаном комбинезоне и огромных темных очках, закрывающих пол-лица, водила его за кожаный ремень, который периодически до боли сдавливал его шею, по побережью. На нем стояли указатели: Мальдивы, Алеутские острова, Сицилия. Периодически она с силой дергала за ремень, они останавливались у вздрагивающих тел морских чудовищ. Они стонали и раскрывали беззубые окровавленные пасти. А их окровавленные челюсти лежали рядом с головами на песке. Женщина выбирала одну из акул, что-то ей говорила на медицинском языке с латинскими терминами. Акула начинала биться в конвульсиях, потом ползла к воде и, погрузив часть тела в нее, замирала. Женщина приказывала Павлу сесть верхом на спину акулы, привязывала его металлической проволокой к плавникам и сильно била акулу по животу. Та вздрагивала и срывалась с места. Павлу было больно от впивающейся в тело проволоки. Они неслись по воде со скоростью торпеды. Сделав несколько кругов, они возвращались к берегу. Акула выплзла на песок, оставляя в нем кровавый след. Женщина осматривала пасть, вытирала слезы плачущей акуле, отвязывала Павла, и они переходили к следующей жертве. Морская прогулка повторялась. Иногда Павлу казалось, что встречный ветер порвет ему легкие. Каждый раз, садясь на новую акулу, он просил женщину снять очки, но она не слышала его...

В кабинете Тулин глотнул горячего кофе и обжегся. Он провел языком по небу и отодвинул папку с документами. Потом вытаскивал визитку стоматолога, начал было набирать номер по сотовому, но перед последней цифрой отключился и придвинул к себе папку. Днем он еще несколько раз доставал визитку, но, набрав номер, нажимал кнопку отбоя. Лишь перед уходом домой он решился. Услышав напевное «Алло», поздоровался и деловито изрек, как будто продолжил незаключившийся разговор:

— Из трехсот пятидесяти видов акул для трансплантации клиентам подойдет только челюсти молодых особей белых и синих акул. Это мнение серьезного специалиста из Института океанологии, хотя они наиболее опасные. Только в этом случае можно преодолеть биологическую несовместимость... Ну как, обсудим в деловой обстановке?

— Хорошо... Но я буду на колесах. А как устанавливается возраст акул?

— Это главная проблема. У них нет костной ткани... Стало быть, начнем!.. Место и время согласуем, — Павел нажал кнопку отбоя.

...Ночью ему приснилось, как они с отцом сидели в Большом зале Московской консерватории. Исполнялся кон-

церт Мендельсона для скрипки с оркестром. Отец сидел с закрытыми глазами, а когда перестала рыдать скрипка, отец повернулся к сыну: «Это великая музыка о жизни. Таких концертов написано не более десятка, и ты должен знать каждый наизусть... Я проверю... Без этой музыки ты никто...»

Под утро Павлу стало душно. Он провел ладонью по мокрому лбу, встал и отправился на кухню. За столом сидел Автор, который с закрытыми глазами помешивал ложечкой в стакане. Рядом со стаканом стояла банка брусничного варенья, на блюде — свернувшиеся листики сала и ломтики бородинского хлеба. «Похоже, он сидел всю ночь...». Автор открыл глаза:

— Я тебе послание сочинил. Прочти и подумай! Впереди испытание. — Он кивком показал на конверт, лежащий на столе. — Читай, брат, думай, соображай!..

Павел вынул из конверта сложенный пополам лист и начал вслух читать: «Жизнь коротка не потому, что стрелка твоих часов всегда движется по кругу в одном направлении, а запас хода ограничен. Однажды утром ты проснешься от торопливого стука в окно. Это явилась курносая с клюшкой... Страх, что уже совершены все непоправимые ошибки, потрачены годы на пошлость и ненужное, заставит холодеть кровь твою. А мозг примется успокаивать — без этого всего ты не смог бы познать, что такое негасимый пожар в душе от страсти, которая тебя постигнет. Пиши — это спасет тебя! Время не ждет... Я еще, конечно, поборюсь за твой талант, но и у меня часовая стрелка может остановиться... А второго человека, искренне желающего тебе встать на дорогу, которая пока ждет, ты не найдешь!.. И последнее, и самое важное... Если все же займешься делом и словесность примет тебя, то, взяв перо и чистый лист бумаги, каждый раз повторяй себе слова жизнелюба Мопассана: «Жизнь — она такая — как есть и больше — никакая!».

Двенадцатый год Тулин возглавлял инвестиционную компанию «Омега-Инвест», входившую в финансово-промышленную корпорацию «Омега». На должность генерального директора его пригласил президент и основной владелец корпорации. С ним Павел познакомился в консерватории на концерте, посвященном Рахманинову. Во втором отделении должен был прозвучать рахманиновский шедевр «Всенощное бдение», который при большевиках в больших залах не исполнялся. В домашнем кабинете Тулина, напротив письменного стола, висела копия со знаменитого сомовского портрета гения музыки. Эту картину Ольга приобрела к шестидесятилетию мужа в художественном салоне. Павел считал второй концерт Рахманинова одной из вершин цивилизации в одном ряду с теорией относительности, Сикстинской мадонной и неевклидовой геометрией.

Ольгу посетил ее традиционный весенний бронхит. По настоянию жены Павел пошел на концерт один. После первого отделения он направился в буфет, дабы рюмкой коньяка поправить настроение, которое ухудшилось после вялого исполнения «Симфонических танцев». Тулин стоял последним в очереди и разглядывал бутылки на стойке бара, высказывая своей «Hennessy XO». Вдруг за спиной чей-то уверенный мужской голос сказал:

— А ведь такого гения чуть не убила рюмка.

— Он что, был алкоголиком? — удивился молодой женский голос с немосковским выговором.

— Самое страшное, дорогая, что это была чужая рюмка! Первый концерт Рахманинова провалился, потому что за пультом стоял ректор Петербургской консерватории, известный композитор Александр Глазунов, который имел привычку дирижировать под мухой, — сказал мужчина и добавил: — В этот раз Глазунов сильно злоупотребил, концерт публика не приняла, и Рахманинов впал в страшную депрессию... Мир чуть не потерял двух гениев в одном лице — композитора и пианиста. Не могу припомнить, дорогая, кто еще в двадцатом веке был дважды гением!

Тулин обернулся и, увидев полноватого тридцатилетнего мужчину и брюнетку явно с обложки «Playboy», улыбнулся:

— Самое время принять по пять капель и, хотя это была Первая симфония, дирижеру не стоит становиться за пульт даже под легким шафе.

Мужчина галантно поблагодарил за уточнение. Пока очередь двигалась, завязался разговор. Оба оказались поклонниками Сергея Васильевича. Подошла очередь Тулина. Он оглядел шеренгу бутылок на буфетной стойке и показал пальцем на «Hennessy XO»:

— Сто пятьдесят и бутерброд с осетриной.

Буфетчица, явно спортивного телосложения, встала на цыпочки, продемонстрировав мощные икры, и сняла бутылку:

— Здесь всего грамм сто. А второй бутылки нет. Такой коньяк не очень берут. Мы его не заказываем.

— Хорошо, что второй бутылки нет, а то вдруг наш дирижер зайдет и случится беда как с Глазуновым, — Павел обернулся, — давайте поделим остатки по-братски. По полтиннику, надеюсь, хватит для «Всенощного бдения». И душа, и голова в одной тональности будут.

Буфетчица достала из-под прилавка две коньячные рюмки и аккуратно разлила. Мужчины, поприветствовав друг друга, выпили.

— Наверное, вы к силовой части легкой атлетики имели отношение, — почтительно обратился к буфетчице Павел.

Она невозмутимо оглядела обоих мужчин:

— Было дело... Диск хотела забросить, чтоб другие не нашли...

— И как далеко он улетел? — с искренней заинтересованностью спросил мужчина.

— На «Союзе» подряд два золота и серебро на «Европе». А из-за травмы на Олимпиаду не поехала. Пока лечилась, место в сборной заняли.

— Знамо дело, свято место и для таланта долго не беругут, — Тулин подмигнул модели. — У пьедестала любого всегда очередь собирается.

Модель сделала большие глаза и взяла под руку спутника. Подошли двое юношей. Они профессионально и громко обсуждали манеру дирижера.

— Давайте отойдем, — Павел кивнул в их сторону. — Хорошо бы эти будущие дирижеры не пошли по стопам Глазунова!

— В спорте чемпионство и справедливость ближе всего друг к другу... Хотя нынче и в спорте без поддержки даже исключительному таланту трудно взобраться на пьедестал... — изрек задумчиво Павел.

— Главное в нужный час оказаться в нужном месте и не зевать! Без этого ничего не получится даже у гения. — Мужчина покачал головой и улыбнулся. — Какой у нас философский разговор получается!

— Рахманинов обязывает... Даже в бизнесе, как и в спорте, ни один шанс не теряется. Не сумел или опоздал — другой удачу словит и отодвинет даже талант.

— Вы имеете отношение к бизнесу? — спросил мужчина и протянул руку — Михаил. — В любом случае для реализации таланта нужны деньги.

— Очень приятно, Павел... Умный человек сказал: «Бизнес — это чужие деньги, которые ищут настоящего хозяина».

— Я где-то прочел: «Удачное мошенничество в бизнесе — это одно из проявлений таланта, столкнувшегося с плохим законом», — Михаил доброжелательно улыбнулся. — Вы кто по образованию, я имею в виду... настоящему.

Павел усмехнулся:

— Математическая физика, раздел — оптимизационные задачи. Я уже с трудом выговариваю.

— Я закончил факультет цветных металлов и представляю хотя бы в общем виде, что это такое... Любая бизнес-задача — по существу, соотношение цели бизнеса и возможности оптимального ее решения... Я правильно излагаю?

— Уточню, раз уж такой разговор пошел... Анализ ресурсов, соотношения затрат с желаемым результатом.

— Но крупные бизнесмены всегда авантюристы, они чутьем совмещали потребности общества и силы своего духа... Я ваш должник за Глазунова и «Hennessy».

— Сочтемся как-нибудь.

— Судя по шее и кистевой хватке, вы бывший борец или боксер.

— Второе. Не на уровне, конечно, нашей спасительницы, — Павел кивнул в сторону буфетчицы, — но чего-то исполнял. Но это уже так далеко... Через месяц важная дата Сергею Васильевичу отмечается в зале Чайковского. Будет повод по полной рюмке отметить!

— Заметано! — мужчина протянул руку. — До встречи!

В зал Чайковского Павел пришел с Ольгой, а новый знакомый с другой моделью. Эта, в высоких ботфортах и коротком полупрозрачном платье, сквозь голубизну которого просвечивали идеальные «без галифе» бедра даже для обложки «Playboy», была бы примой.

— Здесь рядом кафе, даже выходить на улицу не надо. Там наверняка приличный коньяк найдется... Или вы только «Hennessy XO» предпочитаете?

— Традиция, — Павел вежливо улыбнулся. — К тому же, как говорят знающие люди, коньяк надо пить свой.

— Уважаю стабильность. Не люблю в должниках ходить!

— Я бы выпила чашечку кофе и чего-нибудь покрепче... Классика в наше время под рюмку шибче идет, — задорно поддержала Ольга.

Продолжение на стр. 10

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ФАЙН
ОДИНОЧЕСТВО, ОБМАНУТОЕ СЧАСТЬЕМ
(ФРАГМЕНТЫ РОМАНА)**Продолжение. Начало на стр. 8**

— После концерта предлагаю поужинать в приличном заведении. — Ну что, соглашаемся? — Ольга посмотрела на супруга.

— Какой уважающий себя мужчина откажется принять пару рюмок достойного алкоголя в обществе таких женщин! — поочередно Павел поклонился обоим спутницам.

— А давайте после первого отделения сразу, — задорно сказала Ольга и подмигнула девушке.

Та испуганно оглядела всех. Мужчина развел руками и подмигнул Павлу:

— Дело слышу из уст умного и разбирающегося не только в музыке, но и в жизни человека... Полконцерта для поддержания духовности, а другую половину для успокоения души и упражнения интеллекта... Служба материально-технического обеспечения работает, — мужчина пальцем сделал знак в сторону.

Двое крепко сжали плечи, стоявшие поодаль, одновременно кивнули. Один из них поправил маленький наушник и быстро направился к дверям.

В ресторане «Метрополь» их встретил у входа метрдотель и провел в угол зала, где уже был накрыт стол. Рядом стояли два официанта, которые услужливо пододвинули дамам стулья.

— С духовностью разобрались, давайте непонарошку знакомиться, — мужчина взял за руку спутницу. — Это Анжела. А ваш покорный слуга — Михаил, по фамилии Танк... Уверю вас, это только по паспорту, а в жизни я скорее пассажирский автобус... и то на лысах по крышам. — Он провел ладонью по намечающейся прогалине на макушке.

— «Но наш бронепоезд стоит на запасном пути», — мгновенно среагировала Ольга, продекларировав строчку из знаменитой довоенной песни.

— Музыка старшего Дунаевского, а слова хоть и самого Светлова, но, по современным меркам, не в масть! Меня в детстве бабушка в музыкальную школу водила... Признаюсь, гаммы и сольфеджио не любили меня, как, впрочем, и я их.

— А я больше патефон слушал. Отец обещал меня на концерт сводить, но не успел. Он с фронта инвалидом пришел... Вот супруга снабжает филармоническими абонементами, так что с ее заботы заполню душевные пробелы. — Павел выразительно посмотрел на жену.

— Пока, слава богу, безуспешно. Душевность да вдобавок искренность мужчины — это всегда антиквариат, а по нынешним меркам еще и беда!.. Я Ольга, мой муж Павел. Мужчины же, как я понимаю, знакомы.

— Хорошо иметь жену-подругу. — Михаил положил руку на плечо спутницы и пропел: — «...и в дальний путь на долгие года»... Вот, может, Анжела согласится?

— Я согласна, — в глазах девушки был испуг.

— А фамилия у меня от прадеда — мариупольского рыбака. Моя дорогая бабушка считала, что у душевного мужчины всегда фига в кармане. Как-то я решил свое древо семейное построить. Кто с кем переспал — мутное дело... Даже если есть свидетель, который под присягой поклялся, что со свечкой за шторой прятался... Однажды я спросил бабушку, царство ей небесное, почему у нее такие смоляные длинные волосы? Она просила никому не рассказывать, что во время знаменитой резни один янычар спрятал на горе Арарат красавицу-армянку, а потом увез ее в Мариуполь.

— «Под присягой» нынче просто дороже стоит, — Ольга подняла свой бокал. — Но еврей, женатый на армянке... исключительный замес!

Михаил внимательно посмотрел на нее и повернулся к Анжеле:

— Вот гремучая смесь: мама полукиргизка, один дед полутатарин, другой... Я забыл...

— Осетин, — тихо и напряженно сказала Анжела.

— Вот намешано!.. Надо заказать твой портрет Шилову. Но на сеансах буду присутствовать лично, а то нынешний наш Карл Брюллов предложит портрет писать бесплатно. — Михаил засмеялся. — Мне потом в переходе придется торговать оленными пантами.

Красавица напряглась: она явно не поняла, при чем тут оленьи панты, и вряд ли знала кто такой Шилов и тем более Брюллов.

— По молве, Карл Брюллов был особо удачливый почитатель женской красоты. И тебя бы увел... — Михаил поднял рюмку.

— Не увел бы! — Анжела нахмурила брови и посмотрела на Ольгу.

— Карл Павлович магически воздействовал на прекрасный пол... Ни одна не могла устоять... Большой педагог был! Позволила анекдот?

Ольга повернулась к Анжеле и улыбнулась доброжелательно: — Позволим?

— Да! — встрепелась девушка.

Михаил оглядел сидящих за столом:

— На берегу Адриатики сидят убежавшие от красных русские аристократки и сетуют, что настоящие мужчины всегда антиквариат. Графиня обмахивается веером: «Вот граф Арегин был настоящим мужчиной». Восьмидесятилетняя сморщенная княгиня романтично вздыхает: «Большой педагог был!».

— А что он преподавал? — неуверенно спросила Анжела.

— В России чистокровные представители нации вряд ли найдутся. — Ольга попыталась сгладить образовавшуюся неловкость. — Мужская ветвь рода Романовых пресеклась в 1730 году со смертью Петра Второго. А с Императрицами Анной и Елизаветой оборвалась и женская ветвь. Петру Третьему в метрику надо было вписать имя Карл Петер Ульрик. И с 1761 года Россией правила династия Гольштейн-Готторп-Романовых.

— Если б Павел, все Александры и Николаи нанимались на императорскую службу через отдел кадров, то в анкете национальность «русский по крови» не имели бы права писать — поддержал супругу Павел.

— А кому вообще нужна чистая кровь?! Почему у нас столько талантов и красавиц? В какой еще стране такой замес?! Велика доля Нобелевских лауреатов с российскими корнями, в том числе и иудейскими, конечно! Неподкупный генерал-прокурор Павел Иванович Ягужинский, чистокровный еврей, титулованный Петром графом, верой и правдой служил Отечеству, — Михаил поднял бокал. Где ж нынче таких евреев искать?

— У пяти трижды героев Соцтруда — главных мозгов и руководителей Ядерного Проекта — в крови три четверти эритроцитов обрезанных, — сказал Павел. — Иудеи разные. Антисемитизм в обществе. Не помню, кто из великих сказал очень точно: «Еврей оказал миру столько добра и принесли столько зла, что люди, забывая о Первом, помнят только Второе...»

Все замолчали. Ольга подняла бокал и перевела взгляд на Михаила:

— Есть язык, культура питания. Что общего у иудеев из Питера и Эфиопии?!

— Как что? Надо снять штаны, — выпалил Михаил.

— Зачем? — спросила Анжела с искренним удивлением и посмотрела на Ольгу.

— Извини, дорогая, это я сосрился, неудачно. Но Ольга права: батумский еврей подает на стол хачапури из печи, а тетя Соня с Молдаванки — украинский борщ с пампушками. Но это не твоя еда!.. Ты сколько мне красивых детей родишь? — Двух мальчиков и одну девочку. — Так и запишем в брачном контракте. И всех обязательно умных. Вначале мальчиков, а потом любимицу дочку. Парни сами будут жениться, а дочке я жениха подберу. А деньги всем дам только на образование... и на велосипеды, чтобы на учебу ездить.

Михаил повернулся к Павлу:

— А как вы проводите отпуск?

— Я обеспечиваю личное молчаливое присутствие и финансовое сопровождение...

— А я увлекся дайвингом... Уже нырял на всех четырех океанах.

— Достойное хобби, но на земле пять океанов! — вежливо, но с вызовом сказала Ольга.

— В школе у меня по географии пятерки были: Тихий, Атлантический, Индийский и Ледовитый на Севере.

— А Южный Ледовитый? И он значительно глубже Северного, в среднем пять километров. — Ольга кокетливо улыбнулась.

— Как вы с ней обходитесь? — Михаил повернулся к Павлу.

— В туалете запираюсь и читаю детскую энциклопедию. Отдыхаю от скабрзности с экраном.

Павлу нравилось наблюдать, когда жена организовывала светскую перестрелку, в которой ей нелегко было противостоять.

— Этот бой хотелось бы закончить мирной ничьей, — поднял руки Павел.

— Учтивая мое безоговорочное поражение, откроюсь первый раз в жизни. — Михаил вздохнул и развел театрально руками.

Анжела с ужасом глядела на него.

— Не волнуйся, моя дорогая! К тому времени я тебе надо- ем, и либидо мое не сможет претендовать на красу твою. — Михаил повернулся в сторону Ольги. — Я тайно готовлю экспедицию для поиска на Арарате корабля, в котором моя прабабка пряталась, и я найду ее волос. Современный генетический анализ установит мою принадлежность к Ноеву Ковчегу.

Ольга улыбнулась девушке:

— Некоторые свидетельства были получены мужской тезкой Анжелы итальянцем с красивой фамилией Палего, но курды изъяли у него этот материал... Великий Ньютон даже рассчитал размеры Ноева ковчега: длина 135 метров, ширина 26, а высота 15... И всего три палубы: на верхней разместил Всевышний птиц. На средней — каюты для Ноя с благоверной и двух сыновей с женами... А на нижней звери всех видов — самка с самцом... Каждой «твари — по паре».

— Предлагаю тост за удачное восхождение, — Павел встал с рюмкой.

— Поддерживаю, — Михаил тоже встал и поклонился в сторону Ольги. — Мне бы помощников, физически подготовленных к восхождениям.

— Я на горных лыжах катаюсь и вообще люблю горы, — быстро сказала Анжела.

— Ты детей будешь воспитывать... Вдруг я там надолго останусь!.. — Михаил посмотрел на часы. — А пока, как деловые люди, установим регламент... До половины двенадцатого.

Ольга многозначительно улыбнулась.

— Я что-то не так сказал? — встрепелся Михаил.

— У нас семейный регламент, — сказал Павел. — Стараясь не нарушать!

Михаил встал и обвел всех решительным взглядом:

— Продайте мне вашу жену. Предлагаю статус старшей жены с расширенными правами канцильеры и допустимыми элементами личной свободы. Сумму назначаете вы.

— А как же я?! — у Анжелы заблестели глаза и вытянулось лицо.

— Ты останешься любимой, — Михаил поцеловал ее в шею. — Цену можно увеличить при наличии у канцильеры кроме английского других языков, желательного одного неевропейского.

— Испанский и турецкий — Ольга сказала спокойно и добавила, — я специализировалась на тройном переводе.

— Удар ниже пояса, — Михаил обреченно и картинно покачал головой.

— В бизнесе все определяется только ценной... Уже думаю насчет цены, — сказал Павел, посмотрев на жену.

Подошел один из охранников и что-то шепнул на ухо Михаилу. Он кивнул.

— Предлагаю сделку мены. И отпраздновать ее на Мальдивах. С прощальным вечером свингерства на берегу океана, — Павел тоже встал.

— Это становится модным, но не мой вариант. Лучше увеличим цену, но обе жены останутся со мной, — возразил Михаил, подмигнув Павлу. — У Анжелы такие подружки!

Красавица с беспокойством переводила взгляд с одного мужчины на другого.

— Наконец-то у меня появится серьезный повод принять мусульманство и официальное основание иметь четыре жены, — по-театральному громко вздохнул Павел. — Рассчитываться будем по-немецки?

— Мне тут пожизненно должны, — Михаил усмехнулся. — До подписания контракта предлагаю сделать традиционными... Я договорюсь с Комитетом по охране детства, чтобы вышли в Думу с законопроектом по введению института многоженства, естественно, при наличии согласия всех сторон и средств на содержание, что экономичнее и гигиеничнее, чем содержание любовниц. При низкой рождаемости это единственное решение проблемы демографического спада в России.

На улице было душно. От асфальта поднималось тепло.

— Совсем нечем дышать, — сказала Ольга.

Михаил наклонился, взял ее руку, поднес к губам:

— Проект Александровской колонны на Дворцовой площади исполнил великий Росси? Я прав?

— Ему принадлежит только идея. Зодчий Монферан, скульптор Орловский.

— Это какой-то ужас! Утром жду цену!

— Я буду думать всю ночь. — Павел повернулся к жене. — Конечно, с перерывом на регламент.

Мужчины обнялись. Тулин легко тронул за плечо Анжелу:

— Глядя на вас, я окончательно понял, что только красота спасет мир. Ваших подруг хотелось бы посмотреть наяву. Желательно, чтобы они, как, очевидно, и вы, были бы с пьедестала подиума, ну хотя бы недалеко от него.

Уже в постели, устроившись щекой поудобнее на мужниной руке, Ольга сказала:

— Неужели Михаила в женщинах так привлекает экстерьер?

— Не думаю. Почувствуй твой бешеный интеллект, и твое отношение к регламенту, он откровенно на тебя запал.

Ольга усмехнулась и спокойно сказала:

Продолжение на стр. 11

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ФАЙН

ОДИНОЧЕСТВО, ОБМАНУТОЕ СЧАСТЬЕМ

(ФРАГМЕНТЫ РОМАНА)

Продолжение. Начало на стр. 8

— Мне кажется, я его лицо где-то видела... Михаил, бесспорно, умен, образован, но уж больно дурно воспитан... А ты молодец! Как подыграл! — При царе-батюшке таких величали «купец первой гильдии»¹. Их поименно государь знал. Как правило, это умные люди, и им демонстрации собственных персон не нужны! Надо находиться от Императора на расстоянии второго эшелона. Скорее, ты Анжеле в журнале видела.

— Ты обратил внимание, что один из его нукеров срисовал номер нашей машины... И дело не во мне. За столом он явно изучал тебя, хотя и делал вид, что увлечен беседой со мной... Увидишь, он с тобой захочет встретиться...

— А насчет свингерства, я думаю, мы его озадачили. Знаешь, почему я тебя редко ревную? Не всяк остряк и бизнес-хряк с тобой в койке справится!

— Ты у меня педагог!

— Когда ты с Михаилом на Арарате Ноев Ковчег искать будешь, я литературным трудом займусь. Писатель — самое оно! По ночам с героями буду общаться.

— Предпочтительнее наяву и с молодыми героинями... А Михаил хоть и талантлив, но слишком молод для меня. Старая тетка при любой парфюмерии и ежедневном фитнесе в окружении анжел ему через месяц надоест, вместе со своими сентенциями и знаниями! — Ольга прижалась к супругу. — Не хочу на Арарат... Тебя хочу! Не отдам никому. Как ты губы раскатал на подруг Анжелю!

Через неделю, когда вечером у себя в домашнем кабинете Павел по обыкновению просматривал бумаги, которые он приносил с работы, вошла Ольга:

— Тебя по городскому Михаил спрашивает. Тулин снял очки и переключил телефон на себя:
— Можно... Хорошо... До встречи. Обязательно передам. Он положил трубку и повернулся к жене:
— Приглашает встретиться... Тебе поклон.
— Спасибо. Надеюсь без моделей?.. Убью обоих!.. Пока, естественно, ты меня не продал, а я не стала канцильери.

— Да брось ты!
— Если сделка состоится, под Новый год и Рождество я буду твоей не любовницей, а тайной женой, и ты всем претендентам откажешь... Это обязательное условие!

— Тогда уж на 8 марта, 1 мая, День пограничника, День железнодорожника, и, конечно, 23 февраля... Забыл, еще на День Парижской коммуны, естественно, на День коммунального работника, естественно, отдельно — водопроводчика, электромонтера и секретаря в домоуправлении!

— В календарный список включи День святого Валентина, Старый Новый год и День милиции!

— Ну это, синьора канцильери, уже перебор. Неюная мошонка моя и перегруженная простата не выдержат!.. Инквизиция ввела изуверскую мужскую казнь за прелюбодеяние. Приговоренного привязывали к скамье вверх лицом, и женщина-палач в черных перчатках непрерывно мастурбировала ему до тех пор, пока эякуляция кровью и конвульсии не завершали его жизнь.

Спустя две недели Тулин с большим букетом белых роз явился позже обычного под сильным градусом. Таким его Ольга никогда не видела.

— Ужинали с Михаилом в «Метрополе».

— Мусульманские смотрины?

— Предлагает возглавить инвестиционное направление в совместной корпорации. У него заказ на автоматизированную линию бытовой химии... Он про меня все узнал.

— И ты согласился?

— Сначала мы с тобой полетим в Прагу. Я оборудование посмотрю... Лондон хочу с тобой вместе вспомнить.

— А вдруг я в «то» платье не влезу?..

— Новое купим... Большое дело предлагает!

— Сделку про канцильери отменяем?

— Такое только раз в жизни бывает... Я не про канцильери...

Ну куда я без тебя!

Через десять минут Ольга вошла в спальню в том платье и, подойдя к лежащему на кровати мужу, повернулась к нему спиной:

— Подошло!.. Замок будешь проверять?.. Я же говорила, что он к тебе присматривался. А тебе смокинг придется шить заново.

— С кепочкой?!

— Естественно!

— Необязательно. В парилке подольше посижу. Пусть все будет как тогда!

¹ Купец первой (т.е. высшей, 1727-1917 гг.) гильдии мог вести заграничную торговлю, владеть морскими судами, свободно передвигаться по миру; к нему не могли быть применены методы телесного наказания. Звание члена купеческого сословия не являлось наследственным и пожизненным. Первые попытки организационно-законодательного оформления купеческого сословия сделаны Петром I, затем Екатерина II манифестом 1775 г. разделила городское население по гильдиям по размеру капитала. С 1804 г. купцы первой гильдии в случае 100-летнего успешного существования семейного дела получили потомственное дворянство. Применительно к нашему времени оформление гильдий следует рассматривать как прообраз антикоррупционного закона, отделяющего интересы бизнеса от государства.

ПОЭЗИЯ

СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА

ПУЛЬС ПОД КОЖЕЙ

Светлана Леонтьева — поэт. Родилась в городе Свердловске. Окончила Высшие Литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Главный редактор альманаха «Третья столица». Живет и работает в городе Нижнем Новгороде. Автор многих книг и публикаций.

СОЗЕРЦАНИЯ: ДИТЯ

Встать бы. Умыться. Дитя бы прижать мне к груди.
Дочь! Я больна. За окном снег — наотмашь, дожди.
Бьется, как дождь пульс под кожей, который в окно,
пульсом — весь город и площадь, небес волокно.
Маленькая ты моя, я шепчу у постели...
Дочь, а ты выросла, что же я про колыбели,
мне завернуть бы, укутать, прижать все равно...
Дитячко ты мое! Куклы, игрушки твои.
Дочь, я больна, от своей задыхаюсь любви,
температура под сорок. Все тело болит.
И вся страна моя, родина: немощь, то спид, то ковид.
Так я болею, дитя, посчитай, пятый год,
так же страна заболела, мой светлый народ
болен расколом, раздором, раздраем, быльем,
красным и белым, а кто-то раздет — до испод,
лезет вражда пьяной женщиной, громко поет,
так изнутри выжигают нас, словно огнем.
И огонь во мне. Ты звонишь, пишешь мне смс:
— Мам, не болей!
— Я больна, но не телом: в нем вес,
то, для чего покупаю я много вещей,
то, в чем зачато дитя мое — песнь, небо, крест,
то, что есть смысл моих мышц, кровотока, костей...
Что же болит у меня? Ничего, пью я валокордин.
Может быть, печень? О, нет, я же не Прометей.
— Дочь! Так обнять бы... И чтоб ни один из мужчин
не причинил тебе боли, как тот прохиндей,
щит я тебе сколотила бы из панацей,
сколько бы есть, все тебе раздала я кровей.
— Мам, не болей!
Бьется пульсом моим небо и,
космосом бьется в объем сверхобъемной любви.

Что же иду я, молочную кашу варю,
что же иду я за детской едою тебе?
— Мам, докурю сигарету. Затем к октябрю,
может, приеду к тебе, ноябрю, декабрю,
в марте, апреле, в июне, скорей в январе!
...Холодно, холодно, зябко мне и горячо.
Дочь мне обнять бы... прижаться, уткнуться в плечо.
Детский рисунок твой: круг, елки, солнце, квадрат.
Все-то созвездья и солнца, и луны болят.
Выйду я в сад, притворившись синицей моей,
громко чирикнул воробышек мне: «Не болей!»
И колыбелька плывет из давнишнего сна.
— Спи уже, дитячко.
Я не больна.
Не больна.

* * *

Такая наивная. Такая полудетская притча.
Вчера позвонила тебе, спросив, как вернуть, как отдать,
ты помнишь, оставил очки? Им — антично
на полке храниться, я их поместила туда.
Хотела вернуть. Ты ответил мне: выбрось. Но как же?
Рука не поднимется. Видимо, проще сберечь...
Тебе не нужна даже толика этой пропажи
и книга, в которой твоя отпечалась речь.
Касанья твои не отмыть, хоть под дождь я кидалась,
наверно, раз сто и в моря окуналась, в волну.
Все так нестерпимо живет, как любовь или жалость,
все так нестерпимо царапает, если прильну
к словам твоим, вправленным нынче в твою эсэмэску.
Да, ты не любил никогда. Но, наверно, не в этом вся суть,
сама не любила других я мужчин, если резко

от них уходила. Но как же твое мне вернуть?
Звонила тебе. А в груди так предательски билось,
стучало, кровило. А я-то мечтала: нет-нет,
что все позади, лишь верну! О, какая наивность,
верну, что оставил: очки, гребешок, силуэт,
дыханье, лежанье под-мышкой, касанья к ладоням.
Приди, позимуй, если снег, и ветра, и мороз,
со мною, при мне, возле, рядом, во мне и в районе
ключиц моих, ребер, груди, живота, длинных кос.
Чего же я вру, прикрываясь каким-то предлогом,
чего же я лгу, обещая отдать и вернуть?
Когда об одном я мечтаю, что вдруг да случится дорога,
что свет звезд скрестится, что переплетется наш путь.
Да, сколько угодно ты мне говори: вырви, выбрось.
До старости лет говори, хоть до молодости этих лет.
Но есть еще связанность, скрученность, пламенность,
близость,
хотя справедливости нет.

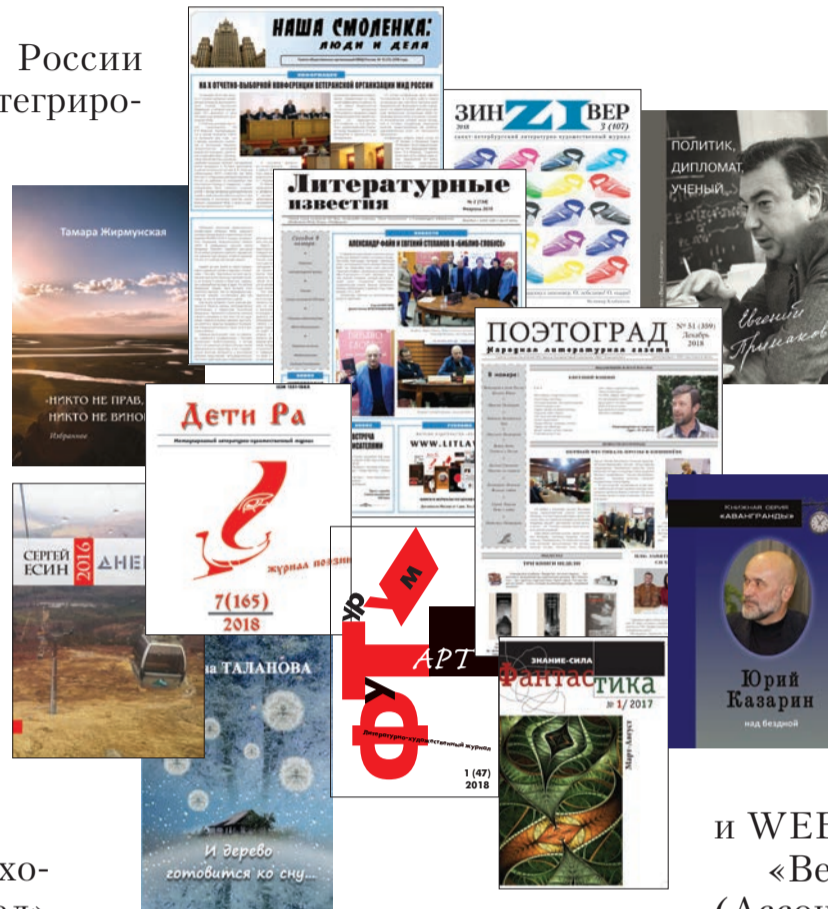
РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 18 ЛЕТ.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на бол-

гарском языке, выходит с 2010 года), телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 300 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более 1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), дважды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanov@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

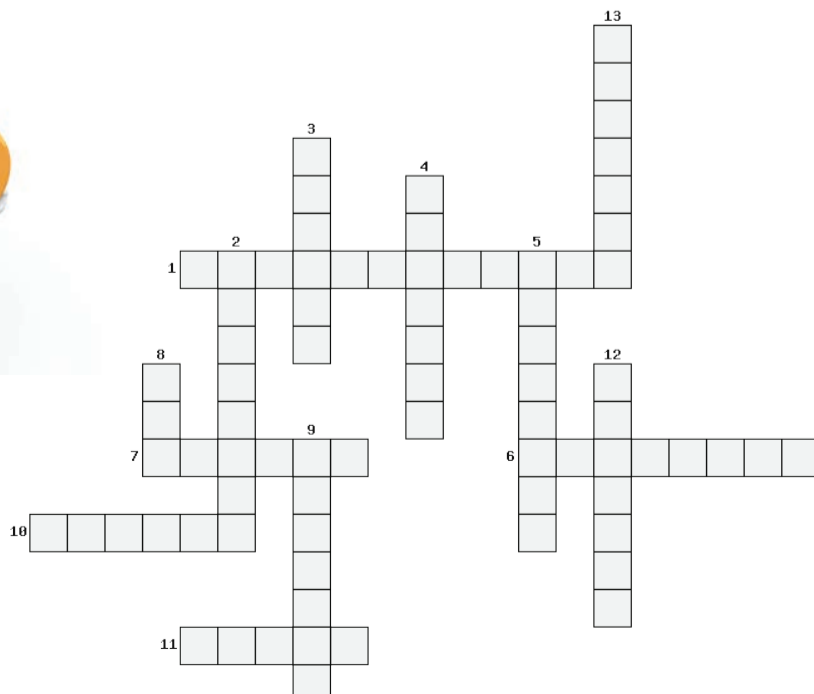
ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

По горизонтали:

1. Автор повести «Белый Бим Черное ухо».
6. Автор романа «В списках не значился».
7. Автор стихотворения «Зима недаром злится...»
10. Автор романа «Я пришел дать вам волю».
11. Автор романа «Альпийская баллада».

По вертикали:

2. Автор сборника рассказов «Прощание с Матерой».
3. Автор романа «Молодая гвардия».
4. Автор исторического романа «Пётр Первый».
5. Автор романа-трилогии «Голубятня на желтой поляне».
8. Автор стихотворения «Шепот, робкое дыханье...».
9. Автор романа «Туманность Андромеды».
12. Автор повести «Кондуит и Швамбрания».
13. Автор повести «Повесть о настоящем человеке».

Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru), Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» (www.west-consulting.com.ru) и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Тел.: (495) 978-62-75

Интернет-ресурсы:

www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz/>,
<http://lit-iz.livejournal.com>, <http://www.facebook.com/litizvestia>

E-mail:

stepanov@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Владимир Бояринов, Константин Кедров, Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Обозреватели

Ольга Денисова (соб. кор. в Санкт-Петербурге)

Наталья Лихтенфельд (соб. кор. в Германии)

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков, Наталья Лихтенфельд

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии «Новый взгляд».

394016, г. Воронеж, ул. Славы, д.13 а. Заказ № 6500 Общий тираж 5000 экз.